

Albert Bartoszewicz

Несколько замечаний об этнонимах славян в языке А. С. Пушкина

Acta Polono-Ruthenica 3, 105-107

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

II. SLAVICA W TWÓRCZOŚCI PUSZKINA

Albert Bartoszewicz
Olsztyn

Несколько замечаний об этнонимах славян в языке Александра Пушкина

Всем нам, особенно полякам, известны слова А. Пушкина, непосредственно относящиеся к Адаму Мицкевичу: „Он между нами жил. Среди племени ему чужого...” Как это так? А. Мицкевич, славянин и поляк, оказался в среде чужого племени, т.е. русских. Насколько так думал А. Пушкин? Именно это высказывание обратило наше внимание на отношение Пушкина к народам посредством использования этнонимов. Ведь кого мы любим и уважаем, то об них вспоминаем и пишем, особенно поэтически. Исключительно редки случаи поэтической злобы и ненависти к народам, где могут выступать соответствующие этнонимы.

По данным *Словаря языка Пушкина* (т. 1 - 4, Москва 1956 - 1961) этнонимы в языке Пушкина многочисленны и выступают часто. Не считая имен прилагательных - обычно на **-ский** - и наречий главным образом типа *по-татарски*, соотносящихся не только с этнонимами, но прежде всего с наименованиями пространственной (географической) и/или государственной принадлежности, в указанном словаре отмечено свыше 70 этнонимов. Среди неславянских этнонимов частотно, включая женские наименования, преобладают следующие: *турок* (108), *француз* (106), *татарин* (82), *араб* (84), *индиец* (67), *башкирец* (63), *немец* (61), *калмык* (42), *черкес* (43), *грек* (40), *англичанин* (34), *италиянец* (21). Можно по-

дозреть, что и в этом, как сказал проф. Георгий Краснов на этой конференции, проявляется западный поэтический мир и азиатская Москва в творчестве Пушкина.

А. Пушкин не избегает общего славянского этнонима *славянин* (13 употреблений) и *славяне* (12). Не употребляет слова *славянка*. А соответствующие прилагательные малочастотны и малоактивны: в значении „относящийся к славянам” используется *славянский* (15 употреблений) и *словенский* или *славенский* (2); в значении же „церковнославянский” - *славянский* (3) и *славенский* или *словенский* (4). Примечательны пушкинские сложные слова с компонентом *славяно-*: *славяно-росс* (1) и *славяно-русс* (1), *славяно-росский* (1) и *славяно-русской* (2), *славянофил* (1). И еще одно слово, стоящее замечания: *славянищина* - употреблено лишь один раз с оттенком пренебрежения о церковнославянском слове или обороте в литературном произведении: „Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредиаковский над *славянищинами* Ломоносова, как важно советует он ему перенимать легкость и щеголеватость речений изрядной компании” (из журнальной статьи).

Разумеется, что из славянских этнонимов в языке Пушкина наиболее активным и распространенным является наименование человека русской (российской) национальности, которым уже в ту пору было *русский* и *русской*, выступающих в языке Пушкина 83 раза, и *русская* в двух случаях, причем раз относится к Татьяне Лариной, а второй - это упрек Екатерины II в разговоре (из журнальной статьи). Вместе с тем прилагательное *русский* (*русской*), употребленной Пушкиным 489 раз, соотносится не только с этнонимом *русский*, но прежде всего с наименованием Россия. Кроме *русский* (*русской*) как этноним Пушкин использует еще варианты или сходные слова: *росс* обычно в поэтической функции (10), *россиянин* (10), *россиянка* (1), *великороссиянин* (1). Из других: *славяно-росс* (1), *славяно-русс* (1) и оценочные *полурусский* (2), *перерусский* (1). Последнее в значении „самый русский - шутливо”: „Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин. Что он за нехрист? Он русский, из *перерусских* русской”. И еще одно. Пушкин обычно наряду с *русский* и *русской* употребляет - хотя на много реже - *российский* и *российской* (53). Поэтическая функция здесь не исключена. Зато *россейский*, обозначая тоже что и *российский*, *русский*, оказывается

стилистически маркированным с оттенком шутливости: „Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений - дрянь и недостойны внимания **россейской** публики” (*Словарь языка Пушкина*, 1047).

Удивительно малочисленны и малоупотребительны в языке Пушкина нерусские (точнее, нероссийские) славянские этнонимы. В чисто этнонимической номинации употреблены лишь следующие: *болгар* и *булгар* (5 употреблений), *влах* ‘серб’ (2), *серб* (3) и *сербин* (1), *поляк* (18), *полька* (1) и *полячка* (3), *украинец* (1) и *черногорец* (4). Дополнительно в значении этнонима *украинец* Пушкин использует *малоросс* (2) и *малороссиянин* (1). Соответствующие прилагательные, которые не всегда мотивированы этнонимом, тоже малочисленны: *болгарский* (4), *польский* и *польской* (52), *украинский* (6) и *малороссийский* (8), *белорусский* (3) и *чешский* (1). Кстати, Пушкин, по-видимому, относился к украинцам - а на Украине бывал - так, как и к полякам, о чем может свидетельствовать замечание из журнальной статьи: „Схватить поляка или малороссиянина за усы...”.

Итак, вопреки ожиданиям, извлеченный из словаря языка Пушкина интересующий нас материал оказался скудным и вместо сколько-нибудь ожидаемых научных наблюдений остается лишь вопрос: как можно мировоззренчески или по-другому интерпретировать тот факт, что величайший славянский поэт, каким по праву считается Александр Пушкин, так редко использовал славянские этнонимы?